

РАМПА

как бы в двух измерениях: кинематографическом и драматическом. Герои живут, общаются на огромном экране, развернутом под куполом Дворца спорта, и под экраном — на большой сценической площадке.

По утверждению «Пари-матч», Роберу Оссейну удалось изобрести нечто на грани мечты и реальности. Создание спектакля потребовало многих лет жизни французского режиссера, изрядных денег и сил. Органичный сплав техники кинематографа и возможностей театра — это требовало от создателей своеобразного кинотеатрального жанра — Робера Оссейна и его давнего соавтора, известного французского историка Алена Деко, — неординарной эрудиции. Осуществление замысла началось со съемок кинематографической части спектакля на одной из самых больших киностудий Европы. Исходное условие, на котором настаивали создатели, — экран размером 25 на 12 метров, размещенный под куполом дворца на высоте 25 метров. Съемки часового фильма продолжались в течение трех месяцев с помощью уникальной камеры весом в полцентнера и особого крана высотой 18 метров, который был сконструирован специально по этому случаю.

На съемки фильма Оссейн пригласил сто пятьдесят актеров, которых заставил отрастить усы и бороды. На костюмы, придуманные Сильви Пуле, пошло более 2 тысяч метров ткани. Любопытная деталь. Для того чтобы подчеркнуть вневременной характер евангелистского послания, его непреходящий характер, создатели одели персонажей в костюмы разных эпох: античные, ренессансные, современные. Огромные средства истрачены и на декорации: особенно сложными в этом плане были сцены Апокалипсиса — скорбный пейзаж опустошения и смерти с каменной, оголенной почвой в качестве возмездия за грехи человеческие. При свете пятисот прожекторов объектив камеры описывает замысловатые, похожие на арабские, маршруты по скалистому

гранитным нагромождениям, по «небесам», меняющим по воле режиссера свой цвет.

Говоря точнее, Оссейн снял не фильм, а лишь иллюстративные эпизоды к спектаклю, что, однако, не влияет на целостность замысла. С экрана, расположенного под сводом дворца, то и дело, как с облака, спускаются Иисус, Мария, апостолы, великая грешница, народ, суд Ирода, стража Понтия Пилата — все они встречаются в сценах уже на драматической площадке. Там они делают свой сюжетный круг и вновь возвращаются на «небеса».

— Мне хотелось, — продолжает режиссер, — чтобы все смелые технические находки и чудеса не «выбивали» бы зрителя из органичного процесса восприятия всего действия. Если люди идут поглазеть на чудо техническое, а не допустить к сердцу факт искусства, мы считаем наше дело проигранным...

Сам Оссейн дневал и ночевал во дворце, чтобы отрегулировать и согласовать тысячи важных деталей в спектакле, в котором он является одним из двух главных ведущих. Во многом, очевидно, эти усилия не пропали даром. Ювелирно отлаженные переходы между экраном и сценической площадкой создают потрясающе органичную динамику, которая мощным штрихом придает всей эпической картине высокий уровень подлинности. Персонажи из плоти и крови по мановению оссейновской волшебной палочки превращаются в кинообразы, — и снова в людей.

— Думаю, если постановка удалась, — говорит Оссейн, — то во многом благодаря идеально подобранной команде, на которую я ни разу не имел основания жаловаться. Это и Роберт Пэйнтер — главный оператор, руководивший освещением, и Люк Эрипре — технический советник, и Паскаль Мэйнер, моя правая рука. Благодаря им экран и сцена были объединены в союз невиданного доселе единства и взаимопроникновения...

По плану создателей после окончания серии представлений спектакль «Имя его было Иисус» отправится в турне по странам мира: нести евангельские идеалы людям.

— Я хотел, — говорит Оссейн, — чтобы появление работы «Имя его было Иисус» вызвало бы дискуссии. И чтобы спор происходил на равных, без перевеса в сторону какой-либо одной церкви и вероисповедания. Лично я всегда верил в бога, но никогда не исповедовал определенную религию.

До последнего дыхания, утверждает французский режиссер, он хотел бы бороться за то, чтобы очистить человеческую душу от того хлама безнравственности, который вдалбливали в нее веками. Он хотел, чтобы люди просто имели веру. Глубокую и смиренную. Веру в бога, который — в человеке, в природе, в пригоршне земли, в стакане воды. Оссейн говорит: «Доверьтесь искренности того первого порыва, который уносит вас от обыденного, возвышает вас над миром».

Зрителю судить, насколько «плотно» легла мировоззренческая концепция Оссейна в плод его творческих усилий. Но ясно одно: богоискательство действительно освещало внутренний мир французского художника в процессе работы, подобно тому, как икона освещает храм. Творческие искания Оссейна так же многомерны и беспредельны, как сама жизнь, простирающаяся от необъятного отчаяния до безрассудной надежды, которая заставляет верить в светлое завтра. Идея и старая, и вечно молодая, как мудреющий и постоянно обновляющийся мир.

Публикацию подготовил С. ТОЛКАЧЕВ.

● Сцены из спектакля «Имя его было Иисус».

Фото из журнала «Пари-матч».

Робер
Оссейн:

«ДОВЕРЬТЕСЬ ИСКРЕННОСТИ ПЕРВОГО ПОРЫВА»

Христианская тема живет в творчестве знаменитого французского режиссера и актера Робера Оссейна многие годы. После его первой попытки десять лет назад сделать зарисовку о «человеке из Галилеи», мысль и желание разобраться в своих взаимоотношениях с миром Христа уже никогда не покидали Оссейна. И вот прорыв, во многом новаторский, совершен. У Версальских ворот в Париже, во Дворце спорта, состоялась премьера драматической эпопеи «Имя его было Иисус». Французский журнал «Пари-матч» поместил на своих страницах статью об этой новой работе Оссейна.

ЧТО ЭТО: любопытная адаптация текста Евангелия или свободная импровизация на расхожие сюжеты из жизни Иисуса Христа? Вероятно, это нечто другое. Волшебник эпических фресок изобрел революционную постановку, призвав к содружеству нескольких муз с тем, чтобы сказать слово в защиту духовности как непреходящей человеческой ценности, чтобы провозгласить свою веру в Бога и в людей. — Поиски секретного кода духовности велись всегда, — рассказывает Робер Оссейн. — Во все времена и на разных широтах. Жажда поиска вселилась в меня с детства, но до поры до времени я старался не показывать этого окружающим. У меня славянские корни. Отец — замечательный композитор, он был родом из Самарканда. Моя мать — из России, страны мистического народа...

Со своим новым спектаклем «Имя его было Иисус» Робер Оссейн входит в мир религиозных идей и легенд не со смиренно сложенными ладонями, не с рафинированно благочестивыми мыслями и суждениями. Из неведомых глубин своей души он пытается

сделать посыл к всееленским высотам, к теме, которая касается его веры в будущее, а не в конец мироздания.

— Уже десять лет мой творческий поиск связан с темой Христа, — размышляет Оссейн. — Иллюстрировать Евангелие — наподобие приключенческого романа Жюль Верна? Значительность темы не позволила пойти по такому бачальному пути. Я ждал сумасшедших идей, и вот наконец они посетили меня. Они овладели мной и повели. Как и почему? Это за пределами словесных объяснений. Я просто от души хотел воздать хвалу Христу, в то время как десять лет назад, в своей первой постановке, я просто повествовал о нем...

Прелог спектакля незатейлив. Молодой заблудший странник, отчаявшийся обрести путь истинный, засыпает и видит сны. Об Иисусе и апостолах. О воскрешении Лазаря. О встрече Иисуса с Марией Магдалиной у Симона Фарисея. Все сцены передаются в манере эпических зарисовок. Но самое оригинальное в том, что действующие лица разворачивают свою игру одновременно

